

В.Э. СОГОМОНЯН*

МЕТАМОРФОЗЫ КОММУНИКАЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ¹

Аннотация. Статья обращается к исследованию связанных с эпохой современности социальных изменений, в числе которых метаморфозы коммуникативной системы общества. Конвенциональность отдельных знаков «языка» власти в результате такого рода процессов оказывается утерянной. При этом власть продолжает по-прежнему использовать такие знаки с некоторыми интеракциями. В результате смыслы, задаваемые властью в те или иные акты публичности, остаются непонятными, и ряд таких актов трансформируется в череду коммуникативных несоответствий.

Ключевые слова: публичный дискурс; язык.

V.E. Soghomonyan

Metamorphosis of communication in public discourse

Abstract. The article refers to the study of changes caused by modernity in the public system of society and, in particular, in its communication system. As a result, the conventionality of individual signs of the authorities «language» of has been lost. At the same time, some interactions continue to be exercised by the authorities with the help of the same signs as if no changes have occurred. According to the author, as a result, the meanings injected in acts of publicity remain not understandable and the number of acts of publicity are transformed into series of communication inconsistencies.

Keywords: public discourse; language.

* **Согомонян Виктор Эрнестович**, доктор политических наук, руководитель канцелярии экс-президента Республики Армения, e-mail: victorsoghomonyan@gmail.com; office@robertkocharyan.am

Soghomonyan Victor, head of office of the former President of The Republic of Armenia, e-mail: victorsoghomonyan@gmail.com; office@robertkocharyan.am

¹ Исследование выполнено при поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках армяно-российского совместного научного проекта № 15-РГ 24 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самопроизводства. Все сущее продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию.

Жан Бодрийяр, «Прозрачность зла»
[Бодрийяр, 2014, с. 11]

В контексте рассматриваемых в статье проблем хотелось бы прежде всего обратить внимание на три метаморфозы, которые произошли с обществом (среди большого множества гиденсовских «последствий современности» [Гиденс, 2011, с. 118–164]) за несколько лет нового тысячелетия. Во-первых, это разрушение замкнутости локальных обществ и их поступательная интеграция в глобальное общество; во-вторых, это пересмотр института традиции, в терминах Мишеля Фуко – упразднение «основополагающего прошлого»; в-третьих, это возникновение множества экспертных (или абстрактных) систем, среди которых оказалась власть с ее знаковыми системами. С применением инструментария семиотики становится возможным обозначить наблюдаемую в сегодняшнем мире проблему **конфликта интерпретаций** [Рикер, 1995] в публичном дискурсе. Ее суть заключается в том, что в силу ряда вызванных современностью изменений в системе общества, и в частности в ее коммуникативной системе, конвенциональность по поводу отдельных знаков «языка» власти оказалась утерянной. Однако некоторые интеракции продолжают осуществляться при помощи тех же знаков так, как будто никаких изменений не происходило. В результате вкладываемые властью в те или иные публичные акты смыслы остаются непонятыми, трансформируясь в череду коммуникативных несоответствий.

Для того чтобы проблема стала ясна в полной мере, обратимся к семиотическим схемам, через которые осуществляются подобные интеракции, а затем попытаемся определить характер метаморфоз коммуникации в публичном дискурсе.

Барт сегодня

В 2015 г. третий ноябрьский номер журнала «The Economist» [How to fight back, 2015] вышел в свет с обложкой, на которой был изображен французский триколор с пятнами крови посередине, на белом. «How to fight back?» – гласил заголовок. Кроме него на обложке не было ничего, что каким-либо образом намекало бы на террористические акты, совершенные накануне в Париже. Тем не менее в те дни вряд ли кому-либо из читателей понадобилось бы объяснять, какие конкретно события имела в виду главная страница британского журнала.

Это наглядный пример актуализации вторичной семиологической системы, существование которой постулировал Ролан Барт в статье «Миф сегодня». «В мифе мы обнаруживаем ту же трехэлементную систему <...>: означающее, означаемое и знак. Но миф представляет собой особую систему, и особенность эта заключается в том, что он создается на основе некоторой последовательности знаков, которая существует до него; *миф является вторичной семиологической системой* (все курсивы цитат авторские. – В. С.). Знак (т.е. результат ассоциации, концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе» [Барт, 1989, с. 78]. Так, в случае с обложкой «The Economist» мы имеем дело с неким сообщением (**мифом**, в бартовской терминологии, – словом или символом, наделенным определенным социальным узусом), интерпретируя который, мы воспринимаем конституирующие его элементы в качестве целостных составных частей сообщения, игнорируя их обособленный смысл. Кроме того, продолжая интерпретировать, мы соотносим факт появления этого сообщения в данный момент времени на значимой общественной (информационной) площадке с общими для нас знаниями об актуальных событиях в мире, или, как это называет сам Барт, с «представлениями о реальности» [там же, с. 84]. В итоговой же интерпретации, декодируя передаваемое журналом сообщение «здесь и сейчас», мы видим не различные элементы рисунка в отдельности, с их дискретными описаниями и функциями (три разных цвета, их размер и последовательность, значение каждого из цветов, красные пятна, их происхождение, значение и др.) в общем историческом и культурном контексте, а целостный портрет «раненой Франции» как одно означаемое (в терминах Барта – кон-

цепт), создаваемое из сочетания ряда знаков первичной семиотической системы в контексте конкретного момента истории¹.

Представленные Бартом еще в 1956 г., эти семиологические системы процессируют в огромном множестве; именно в них реализуется одна из основных форм социального бытования знаков. По сути, любой вид коммуникации, в котором фигурируют не менее двух символов или сообщений одновременно², притом что коммуникация направлена на взаимопонимание между большим количеством участников с предполагаемым наличием общих конвенций, достигает успеха именно благодаря их функционированию. Известно, что попытки описания такой особенности семиозиса знаков в речи (теория так называемых логических знаков) совершались еще во времена Стоиков и Секста Эмпирика, к ним обращался и Аристотель. «В языковом знаке (слове или предложении) означающее непосредственно вызывает представление об означаемом; в логическом же знаке антецедент (целостный знак или совокупность знаков. – *В. С.*) как некий речевой отрезок имеет собственный смысл, который сохраняется в составе суждения и только вторичным образом вызывает представление о чем-то другом, а именно о консеквенте (концепте. – *В. С.*)», – цитирует Секста Эмпирика Цветан Тодоров [Тодоров 1998, с. 14].

Однако есть все основания полагать, что сегодня, вместе с привнесенными современностью изменениями в структуре социальной коммуникации (и, соответственно, изменениями в характеристиках понятия «социальный узус»), изменился и характер конструирования / функционирования вторичных семиологических систем в публичном пространстве. Так, вместе с тотальным распространением Интернета (наиболее объемное и точное обозначение сегодняшнего Интернета – «Internet of Everything») значительно изменилось количество участников

¹ Для большей образности имеет смысл отдать дань физикализму и представить эту систему в виде «маятника Ньютона», где знаки первичной системы являются шарами, через которые потенциальная энергия отдельных смыслов этих знаков преобразуется в кинетическую энергию концепта вторичной системы в целом.

² Здесь для ясности следует повторить вслед за Бартом: «В дальнейшем мы будем называть речевым произведением, дискурсом, высказыванием и т.п. всякое значимое единство независимо от того, является ли оно словесным или визуальным; фотография будет для нас таким же сообщением, что и газетная статья; любые предметы могут стать сообщением, если они что-либо значат» [Барт, 2014, с. 74].

любой публичной информационной коммуникации, которым для правильного декодирования концепта любой вторичной семиологической системы необходимо иметь идентичные общие «представления о реальности». При этом различного рода социальные статусы этих участников – возраст, образование, профессия и др. – подверглись беспрецедентной поляризации. Приведу в качестве примера тот же «The Economist»: если в 1920 г. тираж журнала составлял 6 тыс. экземпляров и распространялся в основном среди аграриев и торговцев в Великобритании, то к 1970 г. тот же журнал выходил тиражом в 100 тыс. экземпляров, а в 2012 г. – более 1,5 млн экземпляров, половина из которых были проданы в США [About us... Б. г.], плюс через Интернет и мобильные приложения журнал сегодня читают еще несколько миллионов человек. Для редакции журнала это означает, что используемые им вторичные семиологические системы должны быть сконструированы из элементов, конвенциональность которых не будет подвергаться сомнению подавляющим большинством многомиллионной и многонациональной аудитории, а концепт не будет нуждаться в дополнительных комментариях ни для молодого лондонского бизнесмена, ни для стареющего учителя химии из Альбукерке. Таким образом, «фундаментальное свойство мифологического концепта» [Барт, 1989, с. 84], по Барту, – предназначенность, т.е. строгая адресность концепта, предполагающая ограниченность его целевой аудитории неким социальным признаком, практически полностью теряет свое значение; ведь в плане глобальной коммуникации более не существует «определенного круга читателей», если не брать в расчет аспекты коммуникации, связанные с рекламным таргетированием. Обозначая фактор предназначенности мифов, Барт фактически постулирует существование некоего конкретного адресата, обладающего известными характеристиками и представлениями о реальности (Умберто Эко называет его «М-Читателем», т.е. Модельным Читателем [Эко, 2007, с. 17]), что позволяет конструировать сообщения в рамках вторичных семиологических систем таким образом, чтобы именно этот адресат смог гарантированно интерпретировать их в нужном автору ключе. Но в условиях современного публичного пространства М-Читателем гипотетически является любой среднестатистический человек, а **конвенция относительно смысла того или иного концепта – продукт наиболее широкого компромисса, так как число участников конвенции как никогда велико.** Именно по этой причине в наши дни, осознанно или неосознанно, глобальные массмедиа очевидно сужают ежедневно ис-

пользуемый «алфавит» символов языковых и неязыковых систем коммуникации, избавляются от сложных элементов и смещаются (хотелось сказать – откатываются) в сторону архетипичности знаков, классическим и одновременно современным стержнем которой является всем понятный «смайлик» в его различных ипостасях.

Иными словами, вторичная семиологическая система Ролана Барта продолжает быть действенной, однако вместе с многократным расширением аудитории и значительным изменением ее качественного состава ее функционирование в публичном дискурсе требует иных механизмов наполнения.

Чтобы показать утрату их характерности в контексте реалий современности, обратимся к примерам, приведенным самим Бартом. Текст указанного сочинения Барта широко известен, тем не менее процитирую его по необходимости длинными цитатами, чтобы проанализировать сегодняшнюю практическую демонстрационную ценность этих примеров и представить картину произошедших метаморфоз. «Представьте себе, что я ученик пятого класса французского лицея, я открываю латинскую грамматику и читаю в ней фразу, взятую из басни Эзопа или Федра: *quia ego nominor leo...* С одной стороны, смысл слов совершенно ясен: *потому что я зовусь львом*. С другой стороны, эта фраза приведена здесь явно для того, чтобы дать мне понять нечто совсем иное; обращаясь именно ко мне, ученику пятого класса, она ясно говорит мне: я есмь пример, который должен проиллюстрировать правило согласования предикатива с подлежащим... Ее истинное конечное значение заключается в том, чтобы привлечь мое внимание к определенному типу согласования. Отсюда я делаю вывод, что передо мной особая надстроенная семиологическая система, выходящая за рамки языка: ее означающее само образовано совокупностью знаков и само по себе является первичной семиологической системой (*я зовусь львом*)» [Барт, 1989, с. 79].

Следующий пример Барта – обложка журнала «Пари-Матч». На ней изображен молодой африканец во французской военной форме; беря под козырек, он глядит вверх на предположительно находящийся там французский флаг. «Я прекрасно понимаю, что хочет сказать мне это изображение: оно означает, что Франция – это великая Империя, что все ее сыны, независимо от цвета кожи, верно служат под ее знаменами и что нет лучшего ответа критикам так называемой колониальной системы, чем рвение, с которым этот

молодой африканец служит своим так называемым угнетателям» [Барт, 1989, с. 80]. И в этом случае вновь функционирует надстроенная семиологическая система: есть означающее, которое само представляет собой первичную семиологическую систему (**африканский солдат отдает честь, как это принято во французской армии**); есть означаемое (смешение принадлежности к французской нации с воинским долгом); наконец, есть **репрезентация** означаемого посредством означающего [там же, с. 80].

Проблематичность приводимых Бартом примеров-знаков в контексте указанных выше метаморфоз кажется очевидной: без авторских комментариев они теряют смысл и выводимый через них концепт становится непонятным, что естественно, так как «пример на грамматическое правило предназначен для определенной группы учащихся, концепт “французская империя” должен затронуть тот, а не иной круг читателей» [Барт, 1989, с. 84]. Адресаты, которых имеет в виду Барт, являются продуктами конкретной и конечной, известной в большинстве деталей среды (учащийся пятого класса французского лицея и среднестатистический гражданин Франции середины прошлого века); членами конкретного локального социума, обладающими некими имманентными качествами. Но вместе с изменением аспекта предназначенности в качестве фундаментального для конструирования вторичной семиологической системы любые знаки первичной системы оказываются сомнительными с точки зрения их наиболее общей конвенциональности. Сообщение получает некий код, правильно расшифровать который может лишь незначительное число возможных адресатов.

Барт приводит также ряд аспектов конструирования и успешного функционирования рассматриваемой системы, при которых: а) конвенция относительно базовых элементов вторичной системы является валидной; б) сама вторичная система оказывается наделенной только одним, конвенционально одобренным участниками коммуникации смыслом / концептом. «Концепт никоим образом не абстрактен, он всегда связан с той или иной ситуацией. Через концепт в миф вводится новая событийность: в примере на грамматическое правило, в котором факт именованного животного львом предварительно лишается своих конкретных связей, оказываются названными все стороны моего существования: Время, благодаря которому я появился на свет в такую эпоху, когда грамматика является предметом изучения в школе; История, которая с помощью

целой совокупности средств социальной сегрегации противопоставляет меня тем детям, которые не изучают латынь; школьная традиция, которая заставляет обратиться в поисках примера к Эзопу или Федру, мои собственные языковые навыки, для которых согласование предикатива с подлежащим есть примечательный факт, заслуживающий того, чтобы его проиллюстрировали. То же самое можно сказать и об африканском солдате, отдающем честь: его смысл, выступая в качестве формы, становится неполным, бедным, лишенным конкретных связей; как концепт “французская империя” он снова оказывается связанным со всем миром в его целостности – с Историей Франции, с ее колониальными авантюрами, с теми трудностями, которые она переживает теперь» [Барт, 1989, с. 84]. Интересно отметить, что кроме аспекта Времени все остальные аспекты очевидно потеряли свою значимость: История сегодня лишь в незначительной мере наделена инструментами социальной сегрегации, да и самой социальной сегрегации в том смысле, в котором об этом говорит Барт, сегодня не существует. Школьные традиции во многом пересмотрены; сам факт стационарной учебы как чего-то институционально необходимого становится предметом дискуссий еще и в контексте доступного растиражированного универсума знаний в «Интернете всего»; учеников французского лица очевидно заменили европейцы-тинейджеры. Говоря о французе, читающем «Пари-Матч», мы скорее должны представить человека современного вообще и только потом – европейца-француза. А пример с африканцем и колониализмом в контексте президентства Барака Обамы сегодня и вовсе кажется нелепым.

В то же время бартовская система может оставаться действенной даже в том случае, если речь идет об уже существующей, бытующей в публичной коммуникации конкретной системе, а предполагаемый автор этой системы принимает решение хотя бы в общих чертах сохранить ее концепт: нужно лишь подобрать соответствующие базовые знаки в унисон условиям современного публичного дискурса. Можно предположить, что, если бы Ролан Барт писал «Миф сегодня» в наши дни, он мог бы с некоторыми издержками сохранить оба концепта. Фантазируя, представим, что вместо примера на грамматическое правило из латыни в статье появилась бы, например, фраза из популярного анимационного фильма, наверняка известная современным тинейджерам, а солдата-африканца заменил бы, скажем, араб в форме национальной фут-

больной сборной. То есть приблизительно в том ключе, в котором вторичные семиологические системы продолжают успешно функционировать в упомянутых выше глобальных массмедиа, освобождаясь от сложных в плане конвенции знаков локальных обществ и заменяя их архетипичными растиражированными знаками глобального общества, сохраняя при этом все основные информационные концепты.

Конфликт интерпретаций

Знаковая система власти, ее «язык» априорно «настроены» на трансляцию смыслов именно посредством вторичных семиологических систем. Даже поверхностный анализ совокупности традиционных актов публичности власти в любой стране мира покажет, как велика среди них доля вторичных семиологических систем. «Президент выступил с обращением к Конгрессу», «глава государства посетил кафедральный собор», «правительство проведет выездное заседание», «губернатор вместе с детьми зажег огни рождественской ели» и т.д. и т.п. – эти типичные фразы из ежедневных новостей представляют собой в семиологическом плане вторичные системы с традиционно подразумеваемыми, скажем так, – исторически унаследованными институтом-властью концептами (соответственно: «глава государства совершил важный акт управления государством»; «потому что я – Божий помазанник»; «вельможи идут в народ»; «политик есть простой человек и носитель традиционных семейных ценностей»). При этом следует понимать, что тот или иной *modus operandi* власти не является произвольным или случайным: он исходит из определенного характера знаков «языка» института власти. Любой индивид, став легитимным носителем политической государственной власти, обретает в качестве инструмента действующую систему знаков-символов или знаков-оповещений. Они определяют место функционирования носителя власти (город-столица, дворец, дом, адрес, кабинет, трон), его символику (флаги, геральдика, инсигнии и т.д.), его одежду (корона, мантия, костюмы, галстуки и др.); обозначают специальные пространства для ритуальной коммуникации с подвластными (балконы дворцов, площади, залы, кабинеты, государственные массмедиа и т.п.); определяют коммуникативные формы-фреймы управления государством (указ, приказ, распоряжение, выступление, обращение,

государственный ритуал) и т.д. [см.: Согомонян, 2012, с. 148]. Конвенциональность по поводу смыслов этих знаков (как и их сочетаний в виде конкретных актов публичности) всего лишь несколько лет назад была безусловной. «Основопологающее прошлое» в целом и символически оформленная традиция осуществления публичного управления были для установленных когда-то конвенций отдельных знаков «языка» власти железными скрепами. Здесь уместно вспомнить определение Клода Леви-Стросса: традиция есть агент обратимого времени, твердо связывающий длительность повседневной жизни с еще большей длительностью институтов [Giddens, 1986, p. 200]. Однако в современных обществах привычность повседневной жизни более не связана с прошлым. «Поддержка некоей практики только потому, что она традиционна, более не приемлетя; традиция может быть оправдана, но только с точки зрения знания, подлинность которого не удостоверяется традицией» [Гидденс, 2011, с. 155]. Именно поэтому традиционные концепты, создаваемые традиционными же знаками «языка» власти посредством механизма вторичных семиологических систем (т.е. по сути дела – значительное большинство сообщений, транслируемых властью в публичном пространстве), утратили предполагаемую конвенциональность. И все же они используются властью как бы по умолчанию, продолжают функционировать *as is* без изменения конституирующих элементов.

Выше – на примере бартовских текстов – мы уже рассмотрели соответствующие коммуникативные метаморфозы. И можно предположить, что любой идентичный пример из сегодняшней политической действительности полностью повторяет эту картину.

Так, например, традиционное сообщение **«президент выступил сегодня с ежегодным обращением к парламенту»**, из года в год распространяемое пресс-службами глав государств, преследует цель уведомить общество об очередном действии президента, подчеркивая одновременно важность этого действия. Соответственно, традиционный концепт сообщения таков: **глава государства совершил публичный акт управления государством**. Однако сегодня это сообщение, декодируется адресатами иным образом.

А. В условиях современного информационного общества факт выступления главы государства перед парламентариями занимает скорее коммуникативный фрейм «рутинности», чем «важности». Такие обращения периодичны, происходят приблизительно

но в одно и то же время года и даже в один и тот же месяц. Если речь идет о действующих главе государства и парламенте, а обращение не предполагает дискуссий, то сообщение полностью теряет соответствующую маркировку. Более того, для многих потенциальных адресатов это действие главы государства может быть расценено как не-действие – в силу растиражированных массовой культурой представлений о критериях активности политических лидеров¹.

Б. Для современного потребителя информации нет рационального объяснения тому, зачем президент выступает именно в парламенте. Это как раз тот случай, когда «требование разума вытесняет требование традиции» [Гидденс, 2011, с. 156]. Содержание выступления не может быть полностью сконцентрировано на деятельности парламента как института; оно скорее обращено к народу через его представителей, чем к самим представителям. То есть в целом тематика выступления не связана с местонахождением президента. Скажем, глава государства объявил о новом этапе борьбы с коррупцией. Но он мог бы сделать это с тем же успехом и с той же степенью легитимности в любом другом выступлении в любом другом месте (перед студентами в университете, на встрече с фермерами) и даже в любом другом формате, не предполагающем озвучивания текста перед конкретной аудиторией, – например, в своем видеоблоге. Таким образом, единственным ответом на вопрос о целесообразности выступления является ссылка на соответствующую традицию. Автор исследования «The President's State of the Union Address: Tradition, Function, and Policy Implications» Колин Шоган отмечает, что, зачитывая ежегодное послание Конгрессу, президент США обращается к двум аудиториям: самим парламентариям и народу; подразумевается, что это есть форма общения основного носителя власти с гражданами [см.: Shogan, 2015, p. 1]. Однако в эпоху информационного общества и Четвертой промышленной революции эффективным для адресатов власти могут быть только прямой контакт и интерактивность. Например, прямые ли-

¹ Массовое медийное тиражирование биографий популярных политиков истории и современности чем дальше, тем больше создает эффект стройной сюжетности и невероятной насыщенности жизни политиков, в которой нет места повседневной рутине; это своеобразная «культура highlights», создающая весьма неблагоприятный фон для ежедневной деятельности политических лидеров.

нии с главой государства, когда можно звонить, писать короткие сообщения и т.д.

Здесь имеет смысл отметить, что в условиях информационного общества внутривластная компаративистика значительным образом утратила свое значение, и соотнесенность многих действий первого лица государства направлена не внутрь страны, к ее истории, к локальному прошлому, а вовне, к мировому сообществу.

В. Что касается сообщения о рабочем общении представителей различных ветвей власти «во благо государства и народа» (это значение не только имплицитно заложено, но и явным образом оговаривается в традиции обращения главы исполнительной власти к парламенту [см.: Shogan, 2015, p. 2]), то оно потеряло свою предназначенность и сегодня практически не имеет адресатов. Дело в том, что в современном обществе институт власти воспринимается как экспертная, или, в терминах Энтони Гидденса, – абстрактная система. «Человек может сесть на борт самолета в Лондоне и достигнуть Лос-Анджелеса примерно через десять часов, будучи полностью уверенным не только в том, что путешествие будет безопасным, но и в том, что самолет прибудет близко к назначенному времени. Пассажир, по всей видимости, может обладать лишь смутным представлением о том, где находится Лос-Анджелес на карте мира. Для путешествия нужно сделать лишь минимальные приготовления (действительный паспорт, виза, авиабилет и деньги) – какого-либо знания о фактическом пути не требуется» [Гидденс, 2011, с. 247]. В сегодняшнем глобальном потребительском обществе человек требует от власти максимального обеспечения своей повседневной жизнедеятельности, подобно тому как он требует максимальной безопасности и комфорта от авиакомпании. Почувствовав для себя опасность и желая устранить ее, граждане прилагают минимальные усилия – звонят в полицию, не интересуясь, каким именно образом полицейские ее устранят. При этом, если абстрактная система доказывает свою действенность, связующим звеном между ней и человеком становится доверие. «Природа современных институтов глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам. Доверие к экспертным системам, проявляемое простыми людьми, не является, как это было характерно для досовременного мира, проявлением чувства безопасности по отношению к независимо данному миру событий. Оно порождается вычислением прибылей и рисков в обстоятельствах, когда экспертное знание

не просто обеспечивает это вычисление, но в действительности создает (или воспроизводит) универсум событий в качестве результата продолжительного рефлексивного осуществления этого самого знания... Вера к таким системам поддерживается благодаря функционированию знания, в котором простой человек как правило не разбирается» [Гидденс, 2011, с. 213, 215]. На смену вере в «помазанность» власти в современном обществе приходит доверие к власти как к некоей экспертной системе, способной обеспечить комфортную жизнедеятельность общества. Понятно, что при этом человек будет ждать от власти эффективного профессионализма, а не сакральности и непонятных ритуалов. Так что наблюдение за рабочим общением представителей различных ветвей власти для современного человека практически не имеет смысла; все равно, что наблюдать за совещанием экипажа самолета перед полетом.

Г. Наконец, если представить, что декодирование конституирующих знаков вторичной системы производится на абстрактном уровне, т.е. адресат не владеет информацией о том, в каком государстве произошло данное событие, то достижение конвенциональности возможно только теоретически. Информационные потоки современного общества, расширяя знания людей о вероятных формах-фреймах политики и ее возможных проявлениях, коренным образом меняют представления о тех или иных нормах. Так, сегодня фрейм «глава государства» значительно более широк в плане индивидуальности носителя этого титула: это может быть человек любой расы вне зависимости от демографии страны; это может быть человек, отказывающийся носить галстук; это может быть гомосексуал, совершивший каминг-аут, и др.

Таким образом, сообщение «президент выступил сегодня с ежегодным обращением к парламенту» рассказывает нам только о том, что **государственная власть в стране продолжает нормально функционировать в соответствии с традицией** (Конституцией, законом и т.д.). Таков новый концепт этого сообщения, именно эту информацию декодирует сегодня его адресат.

Совершенно очевидно, что мы наблюдаем «конфликт интерпретаций», факт коммуникативной неудачи в интеракции между властью и подвластными. Заложенный властью (и традицией публичного дискурса) концепт остался непонятым, и это свело на нет смысл коммуникации, ведь любая коммуникация в первую очередь предполагает «передачу, призванную переправить от одного

субъекта к другому тождественность некоего обозначенного объекта, смысла или концепта» [Деррида, 2007, с. 40]. Не составляет труда догадаться, что подобные результаты с большой долей вероятности будут фиксироваться при рассмотрении всего комплекса тех традиционных актов публичности власти, в которых задействованы вторичные семиологические системы. В итоге ряд традиционных интеракций между властью и обществом не будет достигать поставленной цели, а сообщения власти, когда-то считавшиеся предельно важными, определяющими жизнь государства или мира, «продолжат функционировать при полном безразличии к собственному содержанию» [Бодрийяр, 2014, с. 12].

Можно лишь догадываться о том, какими могут быть политические последствия этого «коммуникативного конфликта»: базовые общественные предпосылки политических перемен в разных странах редко поддаются обобщениям. В то же время можно утверждать, что правильное понимание транзитных процессов в коммуникации между властью и обществом, конструирование публичного дискурса с учетом «новых смыслов», а также совершенствование систем этой коммуникации без оглядки на традиции позволят власти в любой стране сконструировать эффективную и комфортную для общества коммуникативную среду.

Список литературы

- Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 72–130.
- Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла / Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2014. – 260 с.
- Гидденс Э.* Последствия современности. / Пер. с англ., Г. Ольховикова, Д. Кибальчича. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.
- Деррида Ж.* Позиции. / Пер. с фр. В. Бибихина. – М.: Академический проект, 2007. – 160 с.
- Леви-Стросс К.* Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / Пер. с фр. А. Островского. – М.: Академический проект, 2008. – 520 с.
- Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И. Сергеевой. – М.: Медиум, 1995. – 416 с.
- Согомонян В.Э.* Дискурс власти и социальная воображаемость // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – Вып. 3. – С. 138–158.

- Тодоров Ц.* Теории символа / Пер. с фр. Б. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги, Российское феноменологическое общество, 1998. – 408 с.
- Эко У.* Роль читателя / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.
- About us // The Economist. – Mode of access: http://www.economist.com/help/about-us#About_The_Economist (Дата посещения: 16.06.2016.)
- Giddens A.* The constitution of society. Outline of the theory of structuration. – Cambridge: Polity Press, 1986. – 403 p.
- How to fight back // The Economist. – 21 November. – 2015. – Mode of access: <http://www.economist.com/printedition/covers/2015-11-19/ap-e-eu-la-me-na-uk> (Дата посещения: 16.06.2016.)
- Shogan C.J.* The president's state of the union address: Tradition, function, and policy implications / Federation of American Scientists. – 2015. – Mode of access: <https://www.fas.org/sgp/crs/misc/R40132.pdf> (Дата посещения: 16.06.2016.)